

КОНТИНУУМ ВОЙНЫ И ЗАПАДНАЯ ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА¹

Рачья Арзуманян

В настоящей работе обосновывается критическая важность военной культуры и рассматриваются основные проблемы западной военной культуры. Присущие этой разрывы становятся источником серьезных проблем в стратегическом мышлении и понимании войны, преодоление которых требует разработки новой культурной парадигмы и нового видения войны. Поэтому в статье дается общее представление о современных интерпретациях понятий логики и грамматики войны, континуума войны и его эволюции. Показывается, что возросшая сложность и нелинейность войны в 21 веке делают актуальным ввод адаптабельности в современные военные теории в качестве принципа войны и разработку теории сложных конфликтов. В общих чертах обсуждается проблема восстановления армянской военной культуры и стратегии.

Тема военной культуры и стратегии в армянском обществе воспринимается как достаточно абстрактная, оторванная от реалий текущей социальной и политической жизни, как тема для узких специалистов. К сожалению, в армянской политической и интеллектуальной элите на сегодняшний день не сформировалось ясное понимание и осознание того факта, что в 21 веке не только геополитические, но и цивилизационные и культурные аспекты стали неотъемлемой частью реальной политики. Вызовы нового времени не позволяют обществам оставаться в стороне от разворачивающегося на наших глазах процесса «глобализации» политической сферы, уже уверенно и однозначно включающего в себя не только информационное, но и цивилизационное и культурное пространство.

Появляющиеся в последнее время работы (смотри, например, [1]) по данной теме, тем не менее, не смогли перебороть общую инерционность, свойственную политическому пространству, и армянская политическая мысль на сегодняшний день остается в рамках стремительно устаревающих

¹ Вторая часть работы Р.Арзуманяна «Военная культура и стратегия» будет опубликована в следующем номере журнала «21-й век».

концепций и подходов. Однако уже сегодня должно появиться понимание того, что к проблемам успешного развития Армении¹ в 21 веке, планирования и реализации реальной армянской политики невозможно подступиться, не сформулировав базисные ценности Армянского мира и армянской цивилизации. Каким образом Армения смотрит на мир, регион, каким она видит свое место в разворачивающихся глобальных процессах? Эти вопросы требуют глубокого осмысления со стороны творческой и интеллектуальной элиты армянства.

К сожалению, столь тонкие процессы не поддаются ускорению и не терпят принуждения. Армянство должно созреть для нового осмысления своего места в качественно меняющемся 21 веке. В условиях отсутствия целостного и гармоничного взгляда и с учетом сложности цивилизационного и геополитического контекстов армянских государств, крайне важно представлять хотя бы контуры военного пространства Армении.

В силу объективных и субъективных причин, Армения сегодня не в состоянии разработать весь необходимый теоретический и концептуальный базис военно-политического пространства армянских государств и вынуждена импортировать идеи, стратегии и концепции, развиваемые в иной культурной и социальной среде. Осознавая необходимость и вынужденность такого шага, элита армянства обязана отнестись к нему ответственно, избегая эклектичности и строго следуя принципу соответствия новых идей как основополагающим, базисным ценностям Армянского мира и цивилизации, так и реальной социально-политической обстановке в армянских государствах.

Сам процесс такого заимствования нельзя однозначно квалифицировать как отрицательный, так как мир идей и стратегий достаточно многообразен и универсален и крайне важно иметь как можно более широкий диапазон для выбора. Это повышает шансы отобрать и адаптировать к армянской реальности наиболее близкие и адекватные ей идеи и концепции. При таком отборе критически важным становится понимание места Армении и Армянского Нагорья в мировом цивилизационном, культурном и идеологическом пространстве.

Армения, безусловно, принадлежит к общей европейской духовной Традиции. Именно поэтому в работе рассматриваются идеи и теории европейского мира, военная культура которого оказалась наиболее успешной на протяжении последних веков. Принадлежность к европейскому миру позволяет Армении относительно безболезненно адаптировать современные за-

¹ Здесь и далее под Арменией понимаются два армянских государства – Республика Армения и Нагорно-Карабахская Республика, составляющие единое целое в культурном и военно-стратегическом пространствах.

падные идеи и стратегические концепции, восстанавливая тем самым прерванные веками отсутствия государственности армянские военную культуру и традиции. Без сомнения, успешность такого рода «переноса» идей в армянскую реальность требует интенсивной работы всей интеллектуальной элиты Армении.

1. Западная военная культура

Критичность военных идей и военной культуры. Рассмотрение некоторых аспектов западной военной культуры и стратегии требует осознания того факта, что в данной сфере практически невозможно сказать что-то новое. Культура и стратегия опираются на устойчивые во времени паттерны мышления, изменение которых происходит достаточно редко и связано со сменой эпох в истории человечества. Это означает, что философские системы, теории и концепции, лежащие в основе современной западной военной культуры и стратегической мысли, разрабатывались на протяжении последних двух тысячелетий и аккумулируют в себе опыт многих поколений.

Такое отношение к рассматриваемой теме следует признать объективным и во многом оправданным, так как война и стратегия, меняя формы и способы выражения, сохраняют свою природу неизменной. Новые теоретики войны и стратегии (стратегисты) в своих попытках понять и интерпретировать наблюдаемые ими явления обращаются к тысячелетнему наследию военной мысли, пытаясь там найти ответы на новые вызовы, с которыми сталкивается общество в своем развитии [2, р. 3]. Попытки понять окружающую военную реальность, наряду с необходимостью изучать противника, требуют познания самого себя, своего общества, являющегося важнейшим элементом победы. Данная истина была осознана уже в Древнем Китае и сформулирована Сунь-Цзы (*Sun Tzu*), великим китайским военным мыслителем [3, р. 84].

Несмотря на постоянство интеллектуального багажа в обществе, тем не менее, существует своего рода «мода» на те или иные идеи, которые оказываются наиболее востребованными на конкретном отрезке общественного развития. Очевидно, что интеллектуальная мода, как и любая другая, изменчива по самой своей сути и рано или поздно приходит время, когда очередная «большая идея» уступает место новой [2, р. 3]. Устойчивое развитие и безопасность общества во многом зависят от способности его элиты эффективно работать с новыми идеями, его умения разглядеть за новыми формами и интерпретациями старые идеи и подходы, облегчая тем самым задачу формирования адекватного отклика на новые вызовы. При этом важно понимать,

что новые идеи часто получают неожиданное даже для их авторов развитие и, как писал Джон Грей (*John Gray*), **«история идей подчиняется закону иронии. Идеи имеют последствия, и никогда или редко только те, которые ожидали или желали их авторы. Очень часто они противоположны ожиданиям»** [4, р. 27]. Понимание того, какие именно идеи являются «модными» сегодня и какие, вероятнее всего, будут наиболее актуальны завтра, является важнейшим элементом внутренней интеллектуальной «кухни» общества.

Незрелость и инфантильность элиты приводит к тому, что общество застается врасплох, сталкиваясь с новыми, набирающими силу и вес идеями, что приводит к его неадекватности и, в лучшем случае, временному параличу. Армянство на протяжении последних веков фатально опаздывало с пониманием новых тенденций и идей, которые становились затем движущими силами наступающих новых времен. Как заметил еще Айк Асатрян, **«Армянин как мыслитель, интеллектуал давно стал последователем, следуя уже изношенным, исчерпанным истинам. Для армянского мышления наступает весна, когда в Европе позднее лето и уже собран урожай»** [5, р. 157]. Не будет преувеличением сказать, что именно в таком отставании духовной, интеллектуальной и политической элиты армянства кроется одна из причин катастрофы начала 20 века. Мир идей и основополагающих понятий должен находиться под пристальным контролем общества и его элиты, так как неартикулированные или непонятые идеи и тенденции делают общество уязвимыми перед ними [2, pp. 7-8].

Военные идеи играют критически важную роль, так как недопонимание или неправильная их интерпретация может иметь катастрофические последствия для общества. Как отмечает Пол Хирш (*Paul Hirst*), **«война ведется (направляется) идеями о том, как использовать оружие и военные системы, почти в той же мере, что и сами технические и организационные изменения. Идеи, таким образом, имеют критическое значение»**. Также большое значение и роль приобретает культура, которая **«продолжает оформлять развитие и распространение (диффузию) военных знаний, осуществляя естественные адаптации, которые будет трудно предсказать»** [6, р. 9]. То есть критичность военной культуры и идей объясняется также принципиальной сложностью контроля мира идей и процессов распространения новых военных знаний и технологий.

Внедрение новой идеи в общество проходит ряд фаз. На первом этапе она формулируется генераторами и усваивается так называемыми ранними последователями идеи. На следующем этапе она распространяется среди группы влиятельных лидеров, способных повлиять на ее внедрение в ткань

общества, что способствует инициированию процесса адаптации. Возникающая при этом положительная обратная связь приводит к взрыву и распространению идеи во всем обществе, за исключением наиболее консервативной ее части. Идея становится естественной и неотъемлемой частью интеллектуального багажа общества [7, pp. 233-234].

К сожалению, оформление армянского видения пространства военных идей в конце 20 и начале 21 века сталкивается с рядом объективных трудностей. В основном это связано с потерей Арменией на протяжении веков государственности, что не могло не привести к постепенной деградации, а затем и практически полному прерыванию армянской военной традиции. Сохранение «осколков» государственности в ряде провинций в некоторой степени помогло сохранить в реликтовом состоянии ряда традиций и идей, что, тем не менее, являлось совершенно недостаточным для того, чтобы можно было говорить об осознанной преемственности. Без сомнения, страна, которая на протяжении многих веков до и в начале нашей эры имела статус ведущей военной державы, контролировала Армянское Нагорье, обладала соответствующей военной культурой, элитой и традициями [8].

Восстановление в 20 веке армянской государственности и одержанные победы создали необходимые предпосылки для осмысления нового военного опыта и восстановления прерванных традиций армянского военного мышления. Данные усилия, безусловно, требуют глубокого знания общемировой сокровищницы военных идей, а также армянской истории и культуры.

Технологичность и разрывы в западной военной культуры. Важнейшей функцией военной культуры является исключение эффекта неожиданности, когда общество застается врасплох при столкновении с новой реальностью [2, p. 28]. Очевидно, что количество факторов как внутри общества, так и вне его, которые могут инициировать неожиданное и непредвиденное развитие событий, огромно. Тем не менее, важнейшим элементом военной культуры является анализ возможных сценариев развития общества с выявлением наиболее опасных из них.

Одной из черт западной военной культуры является ее технологичность, позволяющая говорить о ней как о машинно-ориентированной [9]. С наступлением информационной эпохи данные тенденции только усилились. Технологии проникают практически во все страты западного общества, которое пока не в состоянии сформировать адекватный отклик на происходящие изменения [10, pp. 14-26]. Склонность западной культуры абсолютизировать место и роль технологий была замечена достаточно давно и, в том числе, ис-

следовалась в рамках других культур. В настоящее время наиболее рьяными критиками попыток оформления данных тенденций в военной культуре как новой, качественно иной реальности являются китайские исследователи. В частности, они утверждают, что **«высокие технологии в целом, включая и информационные технологии, не могут стать синонимом будущей войны. Последние, являясь одним из видов высоких технологий современной эпохи, заняли, на первый взгляд, важные позиции в современных системах вооружения. Однако этого совершенно недостаточно, чтобы данное явление получило название войны»** [11, р. 2].

Другой важной чертой западной и, в частности, американской военной культуры является проведение четкой границы между военной и политической сферами общества. Американской культуре глубоко чуждо какое-либо размытие границы между политикой и военной сферой, когда мирная жизнь есть забота «гражданских», а ведение войны – это задача и обязанности военных профессионалов [12, ch. 1]. Очевидно, что такое строгое разделение имеет свои плюсы, однако война и политика тесно взаимосвязаны, непрерывно взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга, что делает такое разделение достаточно искусственным [13, pp. 109-149].

Получается, что военный истеблишмент США, особенно в действующей армии, воспитан в духе Гельмута фон Мольтке (*Helmut Graf von Moltke*), начальника германского генерального штаба в 1857-88 гг., согласно которому война должна вестись в рамках требований военной науки и искусства, а не политики [14, р. 17]. Мольтке, приравнивая политику к национальной (гранд) стратегии, утверждает, что, хотя политика и определяет цели войны и даже может менять их в течение военной кампании, тем не менее, она не имеет права вмешиваться в ее проведение [15, pp. 287-293, английский перевод см. [16]]. Тем самым происходит своего рода абсолютизация роли военного профессионала, который **«в очередной раз становится мастером военной профессии»** [17, pp. XIII-XIV], а проведение военной кампании диктуется скорее закономерностями войны, нежели чего-то другого.

Ирония заключается в том, что в свое время именно Мольтке выступал за сохранение гражданского контроля над военными, что должно было предохранить общество от приобретения последними доминирующего влияния при принятии политических решений и ведении войны. Понимая всю опасность милитаризации общества, подчиняющей своей логике все общественные процессы, Мольтке говорил о необходимости создания противовеса военной машине [14, р. 17]. Отметим, что, в отличие от действующей армии, у военных теоретиков и аналитиков США принято ориентироваться на «мне-

ние» политических кругов, которое, в свою очередь, диктуется логикой политических событий, а не требованиями военной науки [2, р. 1].

Традиция сохранения гражданского контроля над военной сферой и проведения четкого разграничения между военной силой и политикой является яркой иллюстрацией проблемы двойственности в западном обществе. Анализируя американское общество, достаточно сложно понять, кто формирует в нем лицо войны – политические лидеры или военные профессионалы, владеющие военным искусством и принимающие участие в боевых действиях [2, pp. 12-13]. По мнению ряда историков и политологов, результатом такой раздвоенности становится неэффективность военной машины, что рассматривается как неизбежная плата за сохранение гражданского контроля над армией. Причем необходимости контроля придается абсолютный статус, позволяющий избежать эрозии с течением времени [18, pp. 9-60].

Таким образом, логика проведения войны оказывается под контролем политиков, а значит – гражданских лиц, которые получают право вмешиваться в ход боевых действий, механизм организации и проведения войны, что может привести к выработке неэффективных военных решений и, соответственно, негативным последствиям [19, pp. 429-458]. Тем не менее, за «гражданскими» сохраняется право на ошибку, незнание и неправильное понимание армии, являющееся естественным следствием военного непрофессионализма [20, р. 154].

В своих крайних выражениях «подозрительность» политиков по отношению к военным, их частое и неоправданное вмешательство в процесс выработки и принятия военных решений ставит под вопрос необходимость военной профессии как таковой. Критерием профессионализма в любой сфере деятельности выступают знания и опыт. Общество, выказывая доверие знаниям и опыту конкретных профессионалов, распространяет его на всю профессию. Если политические лидеры вмешиваются в проведение военной кампании, это означает, что необходимое доверие к военным как профессионалам отсутствует, или оно недостаточно глубоко. То есть, по мнению политиков, объем знаний, на который опирается военная профессиональная деятельность, недостаточен для принятия решений, касающихся войны и, значит, военной профессии нельзя предоставлять соответствующие полномочия. Доведение до логического конца цепочки рассуждений приводит к выводу, что говорить о военном профессионализме и военных профессионалах становится некорректным и, следовательно, военная деятельность может осуществляться любителями и дилетантами [21, р. 3-18].

Другим негативным результатом искусственного и сознательного раз-

деления военной сферы и политики становится тот факт, что война перестает рассматриваться холистически – как некая целостность и неотъемлемая часть общественной жизни, а военная мысль избегает рассмотрения задач трансформирования военной победы в стратегический и политический успех. Это приводит к появлению разрывов, преодоление которых превращается в отдельную и не только академическую проблему [14, pp. VI-VII].

Разрывы распространяются на область западного стратегического мышления, когда политики сосредотачивают свое внимание на процессах, предшествующих войне, и оформлению ее результатов, в то время как военные концентрируются на проведении военных кампаний и боевых действиях [14, p. 7]. Результатом становится различное видение войны политическими и военными лидерами, что отражается на принимаемых решениях в области стратегического планирования, формирования бюджета и пр. Ярким примером данной проблемы может служить Германия, потерпевшая на протяжении 30 лет поражение в двух мировых войнах, что уже трудно квалифицировать как случайность [2, p. 15]. И это несмотря на старый афоризм, что **«пока ты не воевал с немцами, ты не знаешь, что такое война на самом деле»** [10, p. 19].

Правильное видение проблемы является первым шагом на пути ее преодоления, и интеллектуальная элита западного мира считает, что таковым должно стать признание наличия у западного общества системных трудностей в трансформации военной победы в стратегический и политический успех. На следующем этапе данное понимание должно оформиться в соответствующую политику по трансформации всей военной сферы [2, p. 17].

Проблемами западной военной культуры занимался и Виктор Девис Хансон (*Victor Davis Hanson*), также пришедший к выводу о доминировании в ней идеи **«лобового сражения, уничтожающего противника»**, когда война рассматривается в качестве инструмента, позволяющего **«сделать то, что не в состоянии сделать политика»**¹ [22, pp. 20-22]. В большинстве своем западная стратегическая мысль исходит из того, что именно политика инициирует войну, которая, однако, становится скорее искаженной альтернативой политики, нежели ее логическим продолжением [24, pp. 23-40], вынуждая Хансона согласиться с германским девизом, что война **«есть нечто большее, чем кажется»**².

Тот факт, что на протяжении еще достаточно долго периода времени Армения будет решать задачу выживания в крайне сложной внешнеполитической обстановке, приводит к тому, что проблема упорядочения взаимоотно-

¹ Это развитие идей, изложенных в его более ранней работе [23].

² Девиз звучит как *«Mehr sein als scheinen»* и переводится «Стараться быть больше, нежели выглядишь на самом деле». Он появился в немецкой литературе в конце 18 века и относился к Пруссии. Позднее он стал популярным в германском генеральном штабе благодаря Мольтке. Этот девиз уместен и для армян.

ношений между политической и военной сферами общества не рассматривается в качестве первоочередной задачи. Тем не менее, надо понимать, что чем раньше в обществе начнутся дискуссии по данному поводу, тем больше шансов, что армянству удастся найти адекватное «армянское видение» данной проблемы.

Очевидно, что в таких важных вопросах попытки необдуманного использования чужого опыта является недопустимым. Это тем актуальнее, что западная военная элита в настоящее время пытается решить проблему разрывов в стратегическом мышлении, с которыми неизбежно столкнется и армянская государственность, если она выберет путь необдуманного заимствования чужих схем и решений.

С другой стороны, Армянский мир в свое время успешно справился с проблемами, приведшими к разрывам в европейском духовном пространстве, и сумел сохранить свою целостность и гармонию¹. Это означает, что Армения имеет все необходимые предпосылки и для сохранения целостности армянского идейного и интеллектуального пространства и успешного преодоления пока что потенциальной проблемы разрывов между политикой и сферой войны.

Американское видение войны (*American way of war*) редко выходит за пределы задачи достижения военной победы и успеха в военной кампании и вынуждает согласиться с точкой зрения Рассела Уигли (*Russell Weigley*), что это скорее видение сражения, нежели войны, и мы сталкиваемся с незрелостью и определенным несоответствием между термином и его реальным содержанием [14, р. 1]. События последних лет показывают, что США остаются в общем контексте западной военной культуры, а американская военная машина продолжает вести боевые действия и кампании, но не войну. И это несмотря на то, что США имеют достаточно нелицеприятный исторический опыт неспособности трансформировать военную победу в политический успех, а затем и желаемое послевоенное устройство. США как и прежде застаются врасплох, когда сталкиваются с необходимостью вести войну после окончания военной кампании. На первый взгляд представляется, что эффект неожиданности может быть достаточно легко преодолен через соответствующее стратегическое образование, правильную кадровую политику и пр. Однако проблема намного глубже и уходит корнями в военную культуру и проведение чрезмерно четкой грани между войной и политикой [2, pp. 16-17].

¹О целостности Армянского мира и армянском пути достижения гармонии см. [26]. С некоторыми из наиболее важных идей Заряна, касающихся идеи Армянского мира, как особой самобытной реальности см. [27, pp. 16-21].

Видение войны в западной военной культуре. Хотя принято проводить различия в видении войны у различных европейских государств и США, тем не менее, все они находятся в общем контексте западной военной культуры. Военный истеблишмент каждой из западных стран, разрабатывая собственные военные доктрины, стратегию и тактику, тем не менее, весьма схоже реагирует на вызовы в области геополитики, социально-политической сфере. Основной целью войны для западных обществ по-прежнему остается разгром вооруженных сил противника, и если данная цель сегодня открыто не артикулируется, то она присутствует в той или иной форме в мышлении, образовании и пр. [25]. Западная военная культура рассматривает факт разгрома вооруженных сил противника, захват его столицы как признак окончания войны и начала процесса послевоенных переговоров. То есть боевые действия и война, вопреки точке зрения того же Клаузевица, рассматриваются скорее как альтернатива последующему переговорному процессу, нежели как их органичная часть [14, р. 1].

Серьезные дискуссии вокруг американского видения войны начались в начале 70-х годов 20 века после публикации монографии **Рассела Уигли** «Американское видение войны» (*The American Way of War*) [28]. Исследовав, каким образом велись войны на протяжении американской истории, Уигли пришел к выводу, что США придерживаются стратегии нанесения сокрушительного военного поражения противнику через его изнурение или уничтожение [28, р. 475]. Результаты, полученные Уигли в рамках исследования американской истории, в целом применимы ко всей западной военной культуры, и германское видение войны, сформулированное Мольтке, во многом совпадает с американским [15] (английский перевод см. [16]).

В монографии «Свирепые войны за мир» (*Savage Wars of Peace*), опубликованной в 2002, **Макс Бут** (*Max Boot*), исследуя историю проведения США так называемых малых войн на протяжении всей американской истории, приходит к выводу, что США обладают несколькими видениями войны [29]. Бут показывает, что малые войны, которые он называет «империалистическими», не воздействуя непосредственно на жизненные интересы страны, тем не менее, внесли большой вклад в становление США в качестве мировой силы. В заключительном анализе Бут, рассматривая и комбинируя оба видения войны, скорее подтверждает тезис Уигли, нежели опровергает его [29, р. XVI].

Очевидно, что пока что рано говорить об армянском видении войны, однако анализ результатов арцахской войны 1988-1994гг. показывает, что Армения остается в рамках западного видения войны и культуры, что не могло не привести к объективным для данного пути проблемам поствоенного мира.

Демилитаризация западной культуры. В настоящее время налицо явные симптомы того, что культура старых европейских государств становится все более и более «демилитаризованной» [30]. Данное явление вписывается в попытки реализации одного из утопических проектов европейской мысли, связанного с избавлением общества от армии, когда «социальный прогресс», разрешение всех социальных противоречий и пр. делает армию ненужной. Общество преодолевает «внутреннюю дикость» и больше не нуждается в социальных институтах, являющихся инструментом и источником насилия [31]. Ярким примером данной традиции является кантовский трактат «К вечному миру», где описывается федерация просвещенных республик, в которой «постоянные армии (*miles perpetuus*) со временем должны полностью исчезнуть», так как, созданные для войны, они провоцируют ее [32, pp. 257-347].

Демилитаризация культуры «Старой Европы» является также следствием сложившегося геополитического контекста, когда европейцы не испытывают необходимости серьезно относиться к собственной обороне. На протяжении последних 50 лет западноевропейское общество предпочитает находиться под защитой стратегического зонтика США и игнорирует сигналы о происходящих изменениях [2, pp. 211-222]. Отношение к войне как к неприемлемому социальному явлению и инструменту должно быть признано временным и неустойчивым, и **«наложенное табу на войну испарится как утренний туман, если или, скорее всего, когда начнут возвращаться плохие времена стратегической ненадежности»** [10, p. 24].

В течение 90-х гг. 20 века в США появились мифы об отвращении американцев к насилию, вступлении мира в период пост-героических войн, когда фактор личности, человеческая воля на войне начинают играть подчиненную, второстепенную роль [33, pp. 109-222]. Некоторые ученые высказывали точку зрения, что на фоне происходящих глубоких изменений в военной сфере и обществе в целом, формирующихся новых культурных табу, работающих в глобальном домейне, война перестает быть практическим инструментом политики и становится морально неприемлемой [34, pp. 275-297]. Одним из важных факторов, оказывающих влияние на делигитимизацию войны, являются глобальные масс-медиа. Прямые «он-лайн» включения в боевые действия позволяют донести нелицеприятное, жестокое лицо войны буквально до каждого дома. Однако отвращение к войне и военному насилию становится результатом не столько морального осуждения, сколько возмущения тем фактом, что она становится медиа-бизнесом и своего рода спортом, что приводит к размыванию традиционного образа военного и военной профессии в обществе [35].

Проблемы «трансформации» западной военной культуры. Современный мир, стремительно меняясь, усложняется и становится все более непредсказуемым, что приводит к несоответствию сферы безопасности общества появляющимся новым угрозам [7, р. 2]. Мир обретает все большую нелинейность, в то время как в обществе в целом, его силовых структурах, продолжает господствовать линейная культура, мышление и образование [36, pp. 123-153]. Тем не менее, в военном истеблишменте Запада зреет понимание, что адекватный отклик на вызовы новой эпохи, включая и трансформацию военной сферы, должен происходить на основе терминологии и понятийного аппарата парадигмы нелинейности [37, pp. 48-49].

С другой стороны, при реализации рекомендаций о необходимости изменений в военной культуре, связанных с трансформацией военной сферы и сферы безопасности, следует избегать крайностей. Должно быть понимание того, что культура по своей природе более инерционна, нежели политика, и исключает прямые воздействия на себя. Проекты непосредственного воздействия на культуру во все времена относились к утопиям, и, признавая несоответствие культуры новым временам, необходимо понимать, что она в исторически обозримое время останется таковой. Призывы «трансформировать культуру» следует признать неадекватными и все, что остается, – констатировать это и учитывать ее несоответствие требованиям новой эпохи [38].

Культура и культурный базис, отражая глубинные паттерны социального поведения, являются первичными по отношению к политике и войне. Это означает, что способность западного общества и его вооруженных сил адаптироваться к происходящим изменениям в любом случае оказывается ограниченной лабильностью и адекватностью его культуры. С другой стороны, западная культура в высшей степени пластична и, сохраняя ряд фундаментальных параметров, разрешает широкий спектр заимствований и влияний из других культур [2, р. 22].

Хотя военные мыслители всех времен и народов едины во мнении, что природа войны универсальна и неизменна, тем не менее, конкретная война является культурным феноменом, зависящим от контекста, большого числа факторов и социальных норм, принятых в данном обществе. Война имеет несколько контекстов, важнейшими из которых являются технологический, политический, социальный и культурный, причем серьезные исследователи и стратегисты всегда подчеркивали важнейшую роль культуры, в том числе стратегической культуры [39, ch. 5].

В ряде исследований отмечается, что в последнее время определяющая роль в формировании военной стратегии США, ее видения войны играет

скорее геополитический контекст, нежели культура. Это связывается с нелинейными тектоническими сдвигами в мировой политической системе и геополитической революцией последних десятилетий и, следовательно, носит временный характер [40]. Тем не менее, уже очевидно, что выводы ряда теоретиков, утверждавших, что в информационную эпоху география и, соответственно, геополитика перестают быть решающим фактором мировой политики, оказались не соответствующими действительности. Территория, как и прежде, продолжает играть ведущую роль в истории, а афоризм «информационные технологии не выращивают картофеля» по-прежнему остается справедливым, выполняя роль обратной стороны медали глобального информационного общества [10, р. 23].

Прерывание традиций армянской военной культуры, будучи безусловно отрицательным фактом, с другой стороны создало уникальную возможность их возрождения «с чистого листа». Армянская государственность имеет редкий шанс, выстраивая военную сферу, не принимать во внимание фактор инерционности военной культуры и традиций. Очевидно, что при этом имеется опасность своего рода «релятивизма», когда общество, дезориентируясь, отрывается от социального, исторического и прочих контекстов эпохи. В случае Армении гарантом стабильности и успешности такого строительства становится армянская культура, ее целостность и неразрывность на протяжении всей истории Армянского мира¹.

Новая культурная парадигма западного мира. Следствием безусловной победы США в Холодной войне, а также понимания ее культурной основы стала новая мировая парадигма западного полушария (*The Western Hemisphere New World Paradigm*), выстроенная на основе феномена «американской исключительности». Исключительность США обосновывалась, в частности, их моральным превосходством, способностью успешно решать задачу создания новой идентичности и нации, а также интеграции иммигрантов в американское общество [43, р. 7]. «Фундаментальная вера США в свою исключительность зиждется на их справедливости и моральном превосходстве над другими нациями» [44, р. 8].

Опирающаяся на культуру подавляющая военная мощь США и возникающая вследствие этого неизбежная эйфория приводили к выводу о безусловном культурном превосходстве. В мире не осталось «достойного соперника», и американская культура провозглашалась самой могущественной в истории человечества. Рано или поздно она разрушит все соперничающие тра-

¹О целостности пространства армянской культуры на протяжении всей ее истории см. [41]. Монография является развитием идей, отраженных ранее в [42].

диционные культуры, которые не в состоянии выдержать конкуренции. Попытки прямого сопротивления культурному натиску должны только приветствоваться, так как, будучи обречены на провал, они отвлекают внимание и энергию обществ, не позволяя им сосредоточиться на формировании адекватного отклика на американский вызов. С данной точки зрения все фундаменталистские, авторитарные методы сопротивления должны быть признаны способствующими увеличению американского культурного, а значит и военного превосходства [45, pp. 4-14]. Очевидно, что такая прямая и неприкрытая культурная агрессия США натолкнулась на адекватный отпор со стороны традиционных обществ, результатом чего стало резкое падение притягательности американской культуры [43, p. 1] и рост антиамериканизма: **«Антиамериканизм в настоящее время похож на мировую религию»** [46].

Надо отдать должное американской элите, достаточно быстро оценившей, что источником враждебности являются попытки прямой трансплантации в глобальном масштабе американской культуры в другие общества. В настоящее время наблюдаются попытки переориентации США на использование непрямых стратегий, которые, однако, вступают в противоречие с глубинными паттернами и «инстинктами» американской культуры [47, p. 185]. США пытаются разработать и внедрить новые методы культурной экспансии, опирающиеся на дух и максимум полковника Лоуренса: **«Не делай и не старайся делать много собственными руками. Лучше арабы сделают это сносно, нежели ты блестяще. Это их война, и ты помогаешь им одержать победу, а не выигрываешь ее за них»** [48]. Тем самым ключевым элементом конструктивной национальной стратегии объявляется видение **«мира таким, каков он есть, а не таким, каким он должен быть, или таким, каким мы его хотим видеть»** [49, p. 2]. Это означает, что западная военная и стратегическая мысль на очередном витке своего развития вновь пришла к пониманию критической важности культуры и культурного контекста, которые не есть нечто абстрактное или нейтральное при рассмотрении проблем войны [50, p. 588].

В этом смысле безусловный вес армянской культуры, ее принадлежность западной духовной Традиции создает благоприятные предпосылки для становления и развития военной сферы Армении. На фоне изменяющихся оценок роли и места культуры нарабатанный в течение тысячелетий культурный базис армянства становится своего рода гарантом его состоятельности. Армения, сделав заявку на возрождение военных традиций и культуры, являющихся базисом армянской государственности, вне сомнений, получит необходимый кредит доверия со стороны духовной и интеллектуальной элиты Запада. Проблема заключается в способности армянской элиты сформировать адекватный отклик на брошенный ей вызов.

2. Видение, логика и грамматика войны в западной военной культуре.

Видение войны. Понятие «видение войны» (*way of war*) в западной военной культуре включает в себя общие тенденции в организации и проведении войны, а также основные положения военной мысли, свойственные тому или иному обществу. Видение войны определяет те фундаментальные идеи военных и политических лидеров о войне, которые, в конечном счете, определяют стратегическое планирование, военные расходы, концепции и доктрины развития вооруженных сил [51, р. 1].

Очевидно, что видение войны того или иного государства является элементом более широкой парадигмы – в данном случае западного видения войны и западной военной культуры. **Гансон** в монографии «Резня и Культура» (*Carnage and Culture*) говорит о том, что ряд базисных ценностей западной культуры – таких как традиции рационализма, индивидуализм, гражданский долг – приводят к безусловному превосходству Запада в военной «организации, дисциплине, морали, интуиции, гибкости и командовании». Он не утверждает, что западная военная культура имеет преимущество над прочими, но констатирует, что на протяжении последних 5 веков при столкновении армий различных культур победа оставалась за Западом [22, pp. 20-22]. Ряд исследователей, например, **Антулио Эчеваррия** (*Antulio J. Echevarria*), рассматривая проблемы американского видения войны, приходит к выводу, что данный термин в военном истеблишменте США трактуется слишком узко и в настоящее время надо говорить скорее об американском «видении сражения», нежели «видении войны» [14, р. 1].

Решая задачу формирования нового видения войны, американская военная мысль сталкивается с двумя большими и взаимосвязанными проблемами. Во-первых, она обязана четко определить область применения, функцию и роль размытых и неопределенных на сегодняшний день понятий логики и грамматики войны, раскрываемых ниже. Это должно уменьшить бифуркацию в стратегическом мышлении, являющуюся, как пишет один из ведущих теоретиков ограниченной войны Роберт **Осгуд** (*Robert Osgood*), следствием созданной дистанции между военной силой и политикой [52]. Характерной чертой традиционного американского видения войны является ошибочная недооценка политической силы, «долгая» антивоенная традиция и недостаточный опыт комбинирования военной силы и внешней политики [52, pp. 28-42]. История показывает, что хотя во время войны военные и политики работают вместе, на личностном уровне между ними возникает определенная дистанция и конкуренция, которая становится незначительной

лишь при ведении тотальной войны.

Вторая большая проблема, которая должна быть решена в рамках нового видения войны, связана с неумением военных и политических лидеров смотреть на войну как на целостное явление и, соответственно, задумываться над тем, как трансформировать военную победу в стратегический и политический успех. Существование проблемы разрывов в военном и политическом сознании было зафиксировано достаточно давно (еще в начале 70-х 20 века), однако до сих пор нельзя говорить о том, что она получила свое решение, и целостный взгляд на войну стал общепринятым и привычным [53]. Более того, уже есть понимание того, что именно разрывы в сознании стали одним из факторов, помешавших США трансформировать военные победы в Афганистане и Ираке в стратегический, а затем и политический успех [54, pp. 85-94]. Решение данной проблемы неизбежно потребует пересмотра некоторых фундаментальных отношений между военной и гражданской частями общества [55, pp. 47-54], а также уточнения того, с привлечением каких ресурсов решается задача, названная Энтони Кордсмэном (*Anthony Cordesman*) «**вооруженным строительством нации**» [56, p. 5].

На сегодняшний день между военными интеллектуалами и Секретариатом министра обороны (*Office of the Secretary of Defense* (OSD)) США существует определенная разница во взглядах на новое видение войны. В то время как первые рассматривают новое видение в терминах и рамках современного конфликта, Секретариат выстраивает свое понимание, исходя из тех будущих военных возможностей, которые это видение гипотетически должно обеспечивать [56, pp. 9-10]. Тем не менее, оба подхода страдают общими недугами отсутствия системного мышления и понимания проблемы трансформации военной победы в стратегический и политический успех. Как и прежде, американское видение войны фокусируется скорее на быстром разгроме противника в сражении, нежели на поиске путей применения военной силы для достижения более широких стратегических и политических целей [14, p. 16].

Как замечает генерал в отставке Энтони Зинни (*Anthony Zinni*), военные США становятся все более эффективными в «**убивании и разрушении**», что обеспечивает победу в сражении, но не войне [57]. Гарри Саммерс (*Harry Summers*) приводит яркий пример, демонстрирующий актуальность рассматриваемой проблемы для американского военного мышления. Во время дискуссии с полковником Северного Вьетнама он доказывал, что вооруженные силы США не проиграли ни одного сражения, на что последний ответил: «**Возможно это так, но в то же время это не имеет значения**» [17, p.1]. Саммерс хотел сказать, что американские военные выполнили все задачи, поставлен-

ные перед ними, и проигрыш во вьетнамской войне есть результат поражения политического руководства и яркий пример того, как при правильной грамматике ошибочная логика войны неизбежно приводит к поражению.

Логика и грамматика войны. Западная военная мысль использует термины *грамматика* и *логика* войны начиная с 19 века. Они активно использовались Клаузевицем и Мольтке, встречаются в военной литературе Франции и Англии того времени и вновь стали актуальны уже в конце 20 века [58]. Мольтке, признавая безусловную важность логики войны, тем не менее, настаивал на том, что с началом боевых действий именно грамматика войны приобретает главенствующую роль и должна определять ход войны. Американскому и шире западному видению войны, за некоторыми исключениями, гораздо ближе «грамматический» подход Мольтке, нежели точка зрения Клаузевица на политику и войну как единый логический континуум [14, р. 2].

Роберт Осгуд утверждает, что даже в условиях глобального ядерного противостояния использование военной силы оставалось рациональным продолжением политики, обеспечивая ощутимый успех **«только в политических терминах, но не в терминах уничтожения противника»** [52, р. 22]. Однако тот же Осгуд констатирует, что такой подход к военной силе является нетипичным для американского видения войны, которому свойственно разделять сферы политики и военной силы.

Томас Шеллинг (*Thomas C. Schelling*) – ведущий теоретик концепции *дипломатии принуждения* (*coercive diplomacy*) – также говорит о том, что цели применения вооруженных сил должны быть более ограниченными и заключаться в сдерживании, запугивании, принуждении противника. В большинстве случаев такое использование силы, позволяющее достичь промежуточных целей, оказывается более эффективным, нежели полный разгром и окончательная военная победа [59, pp. 474-475]. Осгуд и Шеллинг, будучи сторонниками постановки и решения задачи достижения стратегического успеха, а не только военной победы, пытались изменить существующее видение войны в американском военном истеблишменте, смещая фокус и акценты с грамматики войны на ее логику.

Адмирал Уайли (*Joseph C. Wylie*) утверждает, что война, инициируя новую политическую динамику, радикально меняет предвоенную политику, которая перестает соответствовать новым реалиям, становится «негодной». В книге «Военная стратегия» (*Military Strategy*) он разграничивает термины «политика» и «политическая жизнь» («*policy*» and «*politics*»). Уайли утверждает, что Клаузевиц в своей знаменитой формуле о примате политики над

войной и войне как «продолжении политики» имел в виду политическую жизнь, процесс непрерывной борьбы за власть, а не политику. И если война проигрывается, то это означает, что реализуемая политика оказалась несостоятельной, и ее место должна занять другая. Попытки и далее применять к изменившимся условиям неадекватную старую политику могут привести к фатальным последствиям [60, pp. 67-69]. Тем самым центральным вопросом войны становится не точное соблюдение и адекватное использование грамматики, но то, насколько хорошо была проработана и обеспечена ее логика.

Доктрина **Пауэлла**, появившаяся на свет в 1991-92гг. и являющаяся продолжением доктрины **Уайнбергера** (*Casper Weinberger*)¹ [61, pp.1-11], пытается ограничить и четко определить, когда и при каких условиях политические лидеры могут применять военную силу [62, p. В-2]. Ряд исследователей считает, что тем самым грамматика войны начинает диктовать свою собственную логику. Это входит в противоречие с сформулированным еще Клаузевицем и ставшим классическим западным подходом, когда во взаимоотношениях между военной сферой и политикой определяющая роль принадлежит последней. Однако приверженцы доктрины утверждают, что предлагаемый подход позволяет разработать совершенную грамматику, тем самым исключая возможные искажения и коррозию логики войны. Задача грамматики – обеспечить адекватность и инвариантность понимания и интерпретации логики. Другое дело, насколько грамматика воспринимается именно в таком ключе политическими лидерами, определяющими логику войны [14, p. 6].

В работе, опубликованной в «*Foreign Affairs*» в 2003г., Макс Бут развивает идеи монографии «**Свирепые войны за мир**» (*Savage Wars of Peace*), позиционируя себя в качестве ведущего представителя нового американского видения войны [63, pp. 41-58]. Бут утверждает, что новое видение позволит США гораздо эффективнее вести «свирепые войны за мир», расширяющие «империю свободы», под которой он понимает «семью демократических капиталистических наций». В качестве морального обоснования такой политики выступает огромная военная и экономическая мощь США [64, p. 5].

Американское видение войны Бута в корне отличается от точки зрения

¹ Доктрина была разработана министром обороны Каспаром Уайнбергером (*Casper Weinberger*) в 1984г. и состоит из шести пунктов: 1) вступление вооруженных сил (ВС) США в конфликт возможно только для защиты жизненных интересов США; 2) США должны вступать в конфликт с четким намерением победить; 3) вступление ВС США в конфликт за пределами американского континента требует четкого определения военных и политических целей и задач; 4) вступление в конфликт должно постоянно переоцениваться и выверяться на основе непрерывно меняющихся условий конфликта; 5) действия ВС США должны поддерживаться общественным мнением страны; 6) вступление ВС США в конфликт должно происходить только в крайнем случае.

Пауэлла. В своих свирепых войнах за мир США оказываются втянутыми в войну без четкого понимания своих жизненных интересов и ясных политических целей, что приводит к необходимости военного присутствия в других странах на протяжении длительных периодов времени [29, pp. 318-319]. Подход Бута может служить примером другой крайности, когда игнорирование логикой войны ее грамматики оборачивается неэффективной войной или просто провалом.

В целом военные США, проходящие службу в вооруженных силах, весьма скептически относятся к концепциям, в которых главенствующая роль отводится логике войны и с возмущением встречают попытки политиков применить их к военной реальности [17, pp. XIII-XIV]. Вооруженным силам США и американскому военному истеблишменту за редким исключением гораздо ближе взгляд Уигли, согласно которому основной целью войны является уничтожение вооруженных сил противника, а не достижение тех или иных политических целей [28].

Тезисы Уигли критикует Брайн Линн (*Brian M. Linn*), считающий что последний злоупотребляет термином «уничтожение» и не рассматривает американскую традицию устрашения и «склонность к импровизации и использованию практического опыта». Линн считает, что если американское видение войны и существует, то оно представляет собой утилитарную смесь оперативного искусства, национальной стратегии и военной теории [65, pp. 501-530]. Уигли в ответной статье в той или иной мере соглашается с доводами Линна [66, pp. 531-533].

Разрабатываемые в настоящее время Управлением реформирования ВС США (*Office of Force Transformation* (OFT)) и Секретариатом министра обороны модели американского видения войны страдают теми же недостатками, что и концепции Бута и Уигли. Во всех случаях война рассматривается как изолированный от сферы политики акт, а достижение победы смешивается с выигрышем военной кампании [14, p. 8].

Тем не менее в военной элите США уже возникло понимание, что правильная идентификация проблемы, ее источников является важнейшим этапом на пути ее решения, и четкое определение логики и грамматики войны, выработка привычки думать о войне как о целостном явлении является необходимым шагом на пути формирования действительно нового видения войны, которое будет существовать не только на бумаге, но и в реальности [14, p. 18].

3. Эволюция стратегии и континуума войны

Попытки дать краткую формулировку основного вопроса политики так или иначе сводятся к власти. Так как война является неотъемлемой частью и продолжением политики, то основным вопросом всей военной деятельности также является вопрос власти. Как следствие, если тот или иной вид организованного насилия не является политически мотивированным и не ставит вопрос власти, то его нельзя называть войной [2, pp. 19-20].

Итак, война есть орудие политики; она неизбежно должна носить характер последней; ее следует мерить политической меркой. Поэтому ведение войны в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч, но от этого не переставшая мыслить по своим собственным законам [67, p. 438].

Качественные изменения в обществе и мире в целом не затронули остающиеся неизменной природу войны и вслед за Фукидидом (*Thucydides*) и Дональдом Каганом (*Donald Kagan*) можно повторить, что вечной и справедливой остается также триада мотивов, инициирующих войны, – «страх, гордость и выгода» [68, p. 43]. Преобладание в 90-е годы 20 века внутригосударственных войн не есть что-то уникальное в истории человечества, и на сегодняшний день нет никаких симптомов, что данная тенденция останется главенствующей в будущем. Несмотря на то, что такие авторитетные военные исследователи как Стивен Мец (*Steven Metz*) и Раймонд Миллен (*Raymond Millen*) утверждают, что «большинство военных конфликтов грядущих десятилетий будут носить внутренний характер» [69, p. 13] и «решающие войны между большими государствами быстро уходят в мусорную корзину истории» [69, p. 7], когда уже не осталось проблем, которые решались бы непосредственно вооруженным конфликтом, данные утверждения вряд ли можно назвать соответствующими действительности. Более того, рост количества внутренних конфликтов не означает, что межгосударственные войны становятся частью истории [10, p. 22].

Последние войны США в очередной раз продемонстрировали, что военные победы американской военной машины по-прежнему оказываются неоформленными в политическом пространстве. И это несмотря на то, что использование военного инструментария в США как и прежде является прерогативой политиков и определяется гражданскими лицами [70]. Однако, как уже отмечалось ранее, конечной целью войны остается не военная победа, но стратегический и политический успех. Более того, как пишет Лиддел Гарт (*Basil H. Liddell Hart*), целью войны является «лучший мир» [71, p. 192], и она обуславливается миром, который приходит после нее. Военная победа

всегда важна, но она не является гарантом политического успеха, и, ведя войну, всегда надо иметь в виду характер послевоенного обустройства. История полна примеров выигранных сражений и проигранных войны и мира. Яркими примерами могут служить Ганнибал, выигравший все сражения второй Пунической войне, за исключением досадного поражения при Карфагене [72, pp. 80-86], и Сталин, решавший последние 18 месяцев Второй мировой войны задачу послевоенного обустройства, а не максимально эффективного разрушения немецкой военной машины [2, p. 29].

Стратегия и континуум войны. В проведении войны критически важным представляется учет взаимоотношений между политиками и командующими, командующими и штабистами и командующими и военными теоретиками [72, p. 85], формирующими, вертикальный континуум войны Клаузевица (Рис. 1). Клаузевиц предупреждал, что после наполеоновских войн и усложнения стратегии **«не может быть вопроса о чисто военной оценке больших стратегических проблем, не чисто военных схем их решения»** [73, p. 9]. И если для тактического уровня **«средством служат обученные вооруженные силы, которые должны вести бой. Цель - это победа»**, то стратегия есть **«увязка отдельных боев с общей целью войны»** [74, p. 122]. Такую цель **«...в последней инстанции составляют те обстоятельства, которые должны непосредственно вести к заключению мира»** [74, pp. 150-151].

Рис. 1.

Таким образом, на стратегическом уровне военные победы бессмысленны, пока они не преследуют политические цели, которые, согласно Клаузевицу, определяет сфера политики. **«Для того, чтобы довести всю**

войну или хотя бы большой ее отрезок, называемый походом, до блестящего конца, необходимо глубоко вникнуть в высшие государственные соотношения», – пишет он. На этом уровне «стратегия и политика сливаются воедино, и полководец делается одновременно и государственным человеком» [74, р. 100]. «Различие между политикой и стратегией, – писал Уинстон Черчилль, усваивая эти уроки в ходе Первой мировой войны, – уменьшается с повышением уровня дискуссий. На высшем уровне (саммите) истинная политика и стратегия являются одним целым» [75, р. 6].

Эволюция стратегии и континуума войны. Своим внешне обманчивым и простым описанием вертикального континуума войны, а также введенным им «удивительным триединством» политики (правительства), военной сферы и народа [13] Клаузевиц произвел переворот в стратегии, сходный с переворотом Коперника в астрономии. Война оказывалась связанной с политической сферой и становилась продолжением политических отношений [76, р. 115].

Во времена Клаузевица стратегические решения базировались на *Realpolitik*, государственных интересах и практически не учитывали внутривнутриполитические аспекты жизни общества. Стратегическая мысль не видела необходимости учитывать социальные аспекты, разрабатывать и реализовывать государственную внутреннюю политику. Армию как формообразующий институт государства пытались изолировать от эрозии либеральных и социалистических идей. «Армия теперь наше отечество, – писал генерал фон Рун (*Albrecht Theodor Emil von Roon*) своей жене во время революции 1848 года. – Только туда не внедрились нечистые и разрушающие элементы, которые повергают в беспорядок все, во что они проникают» [77, р. 107].

В настоящее время такого рода изоляционизм выглядит наивным, однако ни Клаузевиц, ни его современники не могли предполагать, к каким глубоким и необратимым изменениям в обществе приведут индустриальная и социальная революции, изменившие взаимоотношения между элементами триады. Уже к концу 19 века революционные изменения распространились по всей Европе, потребовав от правительств достижения консенсуса внутри общества при реализации стратегических проектов развития государства и общества [78, р. 82].

Другим следствием революций стало появление сложной и специализированной армии, управление которой потребовало создания отдельного управляющего органа – штаба. Вершиной развития данной тенденции, безусловно, является германский Генеральный штаб, структуру и функции которого пытались копировать большинство европейских государств [76, р. 73].

Объясняя успехи Германии в военном строительстве, генерал **Вейвел** (*Archibald Percival Wavell*) говорит о культурных и исторических предпосылках, утверждая, что **«взаимозаменяемость между государственным деятелем и воином непрерывно совершенствовалась... в 11 веке. Немцы стали профессионалами военного дела, а современные изобретения, увеличивая их технические возможности, специализировали эту черту»** [79, pp. 33-34].

В 20 веке с нарастающей скоростью появлялись все более сложные типы вооружения и техники, для обслуживания которых требовалось соответствующее обеспечение. Новые технологии размывали прежде четкую границу между мирным гражданским населением и вооруженными силами, ведущими боевые действия, а возрастающий и усложняющийся объем военных знаний делали проблематичным контроль политических лидеров и общества над военными профессионалами и военной сферой [78, p. 79]. Теперь для достижения победы государство должно было быть в состоянии концентрировать практически все национальные ресурсы – от сельского хозяйства и индустрии до научного потенциала и пропаганды. Результатом становится возрастание роли и значения правительства в организации войны. Интересно, что Клаузевиц, рассматривая проблему военного гения, в свое время проигнорировал **Карно** (*Lazare Nicolas Marguerite Carnot*) – «организатора побед» Наполеона. Новый век показал, что «военно-организационный гений», беря на себя организацию взаимодействия между военными сферой и гражданским правительством, становится одним из решающих факторов победы [78, p. 60].

Чтобы справиться с новыми вызовами и быть в состоянии вести тотальные войны, правительства были вынуждены трансформировать общественную жизнь своих стран, разрабатывая все более и более развернутые и сложные концепции. Как заметил Уильям **Джеймс**, (*William James*) **«интенсивно жесткая (острая) и перманентно возрастающая конкурентная подготовка к войне и становится реальной войной, когда сражения начинают играть роль своего рода публичной проверки мастерства, достигнутого в течение «мирного времени»** [80, pp. 273-274].

Тем самым сфера стратегии распространяется практически на все общество, делая необходимостью формулировку и реализацию не только военной, но и национальной стратегии. Оценивая произошедшие в результате Первой мировой войны кардинальные изменения в сфере политики и стратегии, адмирал **Экклс** (*Henry E. Eccles*) определил национальную стратегию как **«всеохватывающее направление всех элементов национальной мощи на достижение национальных целей»** [81, p. 70].

4. Понятия сложности, нелинейности и адаптабельности и современные теории войны

Война – это в высшей степени целостное явление и особая реальность, важнейшими атрибутами которой являются сложность и нелинейность [13]. Очевидная сложность войн информационной эпохи сделала необходимым внесение данных категорий в описание боевых действий, деятельность военных структур, доктрины, концепции и военную культуру [82, р. 2]. В некоторых военных документах сложность и нелинейность уже являются обязательными категориями, что является следствием ряда объективных факторов. В первую очередь, это связано с усложнением характера войны, внедрением новых технологий и, как следствие, увеличением количества опций и параметров, которые должен учитывать военный. Кроме того, развитие науки позволило создать необходимую теоретическую базу и разработать понятийный аппарат, позволяющий рассматривать войну и военный конфликт с холистических позиций.

Изменение характера современных войн, не отразилось на ее природе, и она, как и прежде, остается противоборством живых, думающих и реагирующих личностей – военных. Качественно вырос объем знаний и информации, которым должен владеть современный военный, а скоротечность боя сделала критически важными способность к быстрой оценке боевой ситуации и адекватную реакцию на происходящие изменения. Это неизбежно приводит к возрастанию роли и значения процессов адаптации и делает очевидной даже для неспециалистов справедливость старой истины, что война является скорее искусством, нежели чем-то другим [37, pp. 197-198].

Война – это человеческая деятельность, которая не отвечает детерминистическим правилам. Действительно, быстрое развитие технологии и многообразие угроз национальным интересам ускоряют и усиливают эффекты традиционных препятствий для проведения военных операций, – трения, случайности и неопределенности. Кумулятивный эффект этих препятствий часто описывается как «туман войны» и возлагает на командиров обязанность (бремя) оставаться чуткими, гибкими и быть в состоянии приспособливаться в режиме реального времени, чтобы воспользоваться благоприятными возможностями и уменьшить уязвимость. Именно это и есть искусство войны [83, pp. 213-215].

В настоящее время остро стоит задача разработки новой холистической теории и «объединенной» грамматики войны, учитывающей как взаимодействия внутри военной машины, так и взаимоотношения с другими элементами национальной мощи. Очевидно, что новая теория повлияет на все элементы

военной деятельности, включая культуру, подготовку кадров и образование, доктрины и концепции. Однако, как предупреждает Колин Грей (*Colin Gray*), «изменения в форме постоянно путаются с изменением в природе. Возможные революции в характере войны ошибочно путают с революцией в природе войны или даже вытекающей из войны (т.е. являющейся следствием войны – прим. пер.)» [39, р. 364]. То есть происходящие и будущие изменения в военной сфере затрагивают грамматику войны, но не ее логику.

Традиционные и сложные войны. Традиционная война представляет собой конфликт большого масштаба, в котором с каждой из сторон участвуют большие воинские соединения (силы большого масштаба). В конечном счете, в боевом столкновении побеждает та сторона, у которого вооруженные силы имеют больший масштаб, то есть более многочисленны и лучше обеспечены вооружением и техникой. Причем подразумевается, что победа становится результатом открытого столкновения вооруженных сил на простой местности. Очевидно, что такие войны не есть часть истории, и «Буря в пустыне» была организована и проведена по сценарию традиционной войны.

Организация и проведение сложных войн имеет другую специфику. Наиболее хорошо изученными примерами сложных войн являются война США во Вьетнаме и война СССР в Афганистане. Существует множество факторов, обусловивших поражение в обеих войнах, но одним из важнейших следует признать их сложность. На обеих войнах было невозможно провести четкую границу между своими войсками и вооруженными формированиями противника, надежно идентифицировать своих и чужих. Вооруженные силы противника были рассредоточены и разделены на множество практически несвязанных между собой боевых подразделений, что делало невозможным точное определение их местонахождения [82, р. 19]. В обоих случаях традиционные вооруженные силы большого масштаба, созданные для участия в боевых действиях большого масштаба и на простой местности, сталкивались на сложной местности с противником, который, имея меньший масштаб вооруженных сил, тем не менее, обладал большей сложностью.

Один из главных уроков, который извлекла военная мысль из данных войн, заключается в том, что сложные войны не могут быть выиграны на основе стратегий традиционной войны. Чтобы добиться победы в военной операции, протекающей на сложной местности и против рассредоточенного противника, организация собственных вооруженных сил, их боевая подготовка и обеспечение также должны быть сложными. Вооруженные силы должны быть в состоянии проводить наступательные и оборонительные

операции на основе рассредоточенных, слабо координируемых воинских частей и подразделений. Причем слабая связанность и координация войск имеет место не только на оперативном, но и на тактическом уровнях. Боевые подразделения всех уровней должны быть в состоянии организовывать и проводить боевые действия в условиях слабой координации, а ключевым элементом успеха становится способность малых подразделений действовать самостоятельно. Такое построение вооруженных сил позволяет добиться не только нужного масштаба, но и необходимой сложности. Победа в сложном конфликте достигается в том случае, если сложность и масштаб собственных вооруженных сил превышают аналогичные показатели войск противника.

Вооруженные силы, способные вести сложные войны, характеризуются высокой степенью автономности отдельных их соединений и частей, которые способны вести независимые боевые действия при относительно слабой координации. Классическим примером таких сил являются силы специального назначения (*special force operations*), которым свойственна тактическая мобильность общевойсковых соединений и способность проводить операции против иррегулярных сил. Современный рост доверия к войскам специального назначения отражает появляющееся понимание необходимости сложных и адаптабельных сил при организации и проведении сложных конфликтов [82, р. 24].

Эффективность вооруженных сил в сложном конфликте зависит от способности адаптироваться к специфическим вызовам среды или войск противника. Условия местности во Вьетнаме отличаются от Афганистана, однако войска специального назначения, их организация и управление должны быть готовы вести боевые действия в обоих случаях. Способность адаптироваться к специфичным требованиям климата, местности или психо-социо-культурному контексту противника и гражданского населения должна обеспечиваться за счет соответствующей подготовки личного состава, организации управления и экипировки войск [82, р. 20].

Современные военные должны быть готовы вести боевые действия как с регулярными, так и иррегулярными противниками. Более того, в будущем регулярный противник может придерживаться иррегулярной, асимметричной тактики и стратегии организации и проведения войны [2, р. 29]. Это означает, что профессиональным военным необходимо отказываться от точки зрения, что войны малой интенсивности, повстанческие и партизанские войны являются «незаконными», «неправильными» видами войны, которые необходимо обходить. Большие войсковые соединения общего назначения, сталкивающиеся с противником на простой местности, по хорошо опреде-

ляемой линии столкновения, четким огневым целям, уничтожение которых позволяет нанести противнику наибольший урон, контрастируют с плохо координируемыми войсками специального назначения и операциями, проводимыми в гористой местности или в черте города. Тем не менее, в обоих случаях речь идет о войне, и, значит, соответствующей грамматике и логике войны [82, р. 1].

Таким образом, масштаб и огневую мощь войсковых соединений нельзя рассматривать в качестве единственных критериев оценки эффективности вооруженных сил в сложном конфликте на сложной местности, и потеря войсками боеспособности становится скорее следствием уменьшения их сложности, нежели огневой мощи. Роль и значение сложности наиболее очевидны при столкновении сложных сил малого масштаба с общевоинскими соединениями большого масштаба на сложной местности: например, в условиях гористой местности или в черте города, когда тяжелые системы вооружения не позволяют обеспечить подавляющего преимущества.

Сложность, без учета которой невозможно дать адекватную оценку боевым возможностям воинских частей и соединений, непосредственно связана со способностью войск осуществлять независимые и координированные действия, что, в свою очередь, зависит от организации командования и управления, системы коммуникаций, способности обрабатывать информацию, а также социо-культурного контекста. Уменьшение сложности может стать результатом уничтожения коммуникаций, изменения психологического контекста, потери управляемости и пр. Повышение сложности требует пересмотра структуры вооруженных сил, организации командования и управления, а также изменений в системе подготовки и военной культуре [82, р. 2].

Адаптивность в теории войны. Введение понятий сложности, нелинейности и адаптивности в современную теорию войны, позволяя справиться с вызовами новой эпохи, делает необходимым пересмотр векового багажа военной теории и внесение изменений в систему военного образования, боевой подготовки, структуру вооруженных сил [37, р. 49]. Военная организация государства обладает определенной сложностью, которая является, в том числе, результатом исторического развития. Это позволяет государству соответствовать требованиям международной обстановки, сохранять паритет или превосходить вооруженные силы потенциального противника [82, р. 11].

Адаптивность всегда являлась неотъемлемой частью военной культуры, и такие понятия, как «инициатива» и «изобретательность», афоризм, что **«ни один план не выживает после первого столкновения с противником»**,

отражают различные аспекты адаптации в военной сфере [84, р. 216]. Повышенный интерес к адаптабельности в 21 веке является симптомом качественных изменений в интерпретации данного понятия на современном этапе развития военной теории.

Вероятно, одним из первых военных теоретиков, призывающих быть адаптабельными, был китайский философ Сунь-цзы, который говорил о необходимости адаптации к текущей обстановке как самих армий, так и военачальников. **«Как вода не имеет постоянной формы, так и на войне нет постоянных форм. И так же, как вода приторавливает свое течение к земле, так и армия управляет своей победой в соответствии с ситуацией противника»** [3, р. 96].

Непрерывные взаимодействия и взаимовлияния в континууме войны приводят к изменениям как в военной сфере, так и в политике, и **«ей (политической цели) приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и соответственно самой часто подвергаться коренному изменению...»** [74, р. 15]. С изменением политических целей войны неизбежно меняется и стратегия, и, следовательно, способность к стратегическим оценкам и переоценкам становится необходимым элементом победы.

Изменения в характере войны могут стать результатом пересмотра противником своей стратегии и его адаптации к изменившимся условиям. Неспособность своевременно адаптироваться к непрерывно изменяющемуся контексту войны может иметь фатальные последствия для «запаздывающей» стороны. **«Огромной ошибкой поколения военных лидеров Первой мировой войны был их отказ (за известными исключениями) быстро адаптироваться к изменениям** [85, р. 5]. И как заметил генерал Джулио Дуэ (*Giulio Douhet*): **«Победа улыбается тем, кто предвосхищает изменения в характере войны, а не тем, кто выжидает и адаптируется к ним уже после того, как они происходят»** [86, р. 21].

Лиддел Гарт, говоря об адаптабельных планах, писал: **«Чтобы быть практичным, любой план должен принимать во внимание способность противника сорвать его; наилучшим способом преодоления такой возможности является разработка плана, который может легко варьироваться, чтобы соответствовать формирующейся обстановке; наилучшим средством поддержания такой адаптабельности, предполагающей инициативу, является оперирование согласно линии, которая предлагает альтернативные цели (задачи)»** [87, р. 338].

Адаптабельность фундаментальным образом отличается от гибкости [88]. Гибкость по своей природе является реактивным и оборонительным свойством, что получило свое отражение как в ее определении, так и в се-

мантике. Быть гибким, изгибаться означает изменяться под воздействием внешних сил, в качестве каковых в военном противоборстве выступает противник. Именно он инициирует и направляет происходящие изменения, и гибкость не подразумевает такие активные действия, как наступление, прорыв, но только реактивные и оборонительные.

Адаптабельность является активным, атакующим свойством, что получило свое отражение в ряде уставов США. Например, определение адаптабельности в Боевом уставе ВМС США (*Fleet Marine Field Manual 1-0, Leading Marines.*) выглядит следующим образом: «Адаптабельность является нашим ключом преодоления эффектов трения и его компонентов. Хотя она является синонимом гибкости, она включает в себя дух инновации. ВМС постоянно стремятся адаптировать новую тактику, организацию и процедуры к реалиям среды. Идентифицируются недостатки в существующих порядках, производится отказ от устаревших структур и осуществляется модификация для поддержки функциональности и полезности. Способность адаптироваться позволяет ВМФ чувствовать себя комфортно в среде, в которой доминирует трение. Опыт, здравый смысл и критическое применение суждения – все это помогает военно-морскому руководству быть стойкими» [89, р. 66].

В Боевом уставе сухопутных сил США (*The Army, Field Manual 1*) дается определение адаптабельного лидера: «Неопределенная природа оперативной обстановки требует от руководства сухопутных сил способности к самоанализу и адаптивности. Руководители, способные к самоанализу, понимают оперативную обстановку, могут оценить свои возможности, определить свои сильные и слабые стороны и активно учатся, чтобы преодолеть свои слабости. Адаптабельные руководители должны, в первую очередь, обладать способностью к самоанализу, затем дополнительной способностью распознавать изменения в оперативной среде, идентифицировать эти изменения и учиться – каким образом они могут адаптироваться к ним для достижения успеха в новой среде» [90, pp. 12-13].

Таким образом, адаптация в военной сфере означает способность менять элементы военной организации государства с изменением оперативной, стратегической или политической обстановки. Адаптивные организации: а) вместе с изменениями в операционной среде изменяют способы обработки и распространения информации и включают новых участников в процесс планирования, выработки решения и ее реализации; б) создают новые коалиции, способы взаимодействия с другими организациями; в) сглаживают организационные структуры; г) разрабатывают и адаптируют новые методы работы, опирающиеся на приобретенный опыт [7, р. 153].

США рассматривает способность к адаптации в качестве важнейшего требования к объединенным вооруженным силам: **«Объединенные силы США должны быть в состоянии адаптировать свои боевые возможности к разрешению кризисных ситуаций без потери своей оперативной эффективности»** [91, pp. 5-6]. Объединенное определение адаптабельности для принципов войны представлено в формате существующего «Совместного издания 1, Объединенной войны Сухопутных Сил США» (*Joint Publication 1, Joint Warfare of the Armed Forces of the United States*).

Адаптабельность.

- a. Целью адаптабельности является активное поддерживание необходимых изменений или модификаций боевых операций, которые агрессивно находят, форсируют и/или используют возможности в качестве реакции на локальные условия на всех уровнях поля боя.
- b. Адаптабельность требует, чтобы военные кадры всех уровней понимали стратегические, оперативные и тактические задачи намерений командира (командующего). Адаптабельность признает природу войны, характеризуемую хаосом, непостоянством, насилием, случайностью, трением и туманом при достижении этих целей. Она поощряет изменение и модификацию запланированных действий в свете текущей боевой ситуации для действенного и эффективного выполнения миссии и поддержания намерений командира (командующего). Это применимо для всех других принципов войны, кроме боевой задачи. Адаптабельность представляет изобретательность, находчивость, новаторство и воображение личности и группы. Она является как ментальным так и физическим феноменом. Ментальная способность это способность найти, идентифицировать и использовать нелинейные паттерны в стратегической, оперативной или тактической обстановке (среде). Она зависит от физической способности действовать по этим паттернам или создавать (навязывать) новые гораздо быстрее, нежели противник и делать это при помощи только тех сил и возможностей, которые имеются в распоряжении. Адаптабельность – это культура, состояние разума и характеристика американских объединенных вооруженных сил [92, pp. B1-B2].

Конвергенция ряда факторов, основными из которых являются неопределенность будущей стратегической среды, увеличение темпа операций, размывание границы между стратегическими, оперативными и тактическими событиями, возросшее разнообразие миссий, все более убыстряющиеся

технологические изменения, появление адаптабельных противников, приводит к размыванию будущего и, соответственно, требований к вооруженным силам. Нарождающаяся эпоха, делая необходимой трансформацию военной сферы, использует адаптабельность в качестве механизма, посредством которого военная сфера приводится в соответствие с новыми реалиями, когда **«основным требованием является умение адаптироваться к изменяющимся временам и различным противникам»** [93]. В контексте военной организации, обладающей инерционностью и сопротивляющейся изменениям, именно адаптабельность, как часть военной культуры, становится мостом между современными вооруженными силами и будущими [84, pp. 201-202].

Подготовка к будущему потребует от нас думать разнообразно и развивать такие типы сил и средств, которые могут быстро адаптироваться к новым вызовам и неожиданной обстановке. Способность адаптироваться будет критичным в мире, в котором неожиданность и неопределенность являются определяющими характеристиками нашей новой среды безопасности [94].

Адаптабельность является императивом, который позволяет справиться с неопределенностью будущего, расширенным использованием военной силы, диверсифицированными и адаптивными угрозами и войнами. Несмотря на достаточно глубокую проработанность понятия адаптации в военной теории, имеется настоятельная необходимость в пересмотре устоявшихся подходов и рассмотрении адаптабельности в качестве принципа войны [84, p. 217].

«Власть к кромке». Широкое внедрение информационных технологий во все сферы общественной жизни и новые реалии постиндустриального общества потребовали пересмотра таких фундаментальных понятий как осуществление власти, процесс управления, методы построения организационных структур и пр. Концепцию «власть к кромке» (*power to the edge*), изучающую, каким образом работают и взаимодействуют личности и организации в постиндустриальном обществе, можно рассматривать в качестве отклика на вызовы новой эпохи.

В последующих работах, при рассмотрении современных теорий войны, концепции «власть к кромке» будет отведено соответствующее место. В рамках данной статьи ограничимся лишь кратким рассмотрением основных, наиболее важных для военной сферы элементов. Концепция наделяет полномочиями и властью личностей, работающих на *кромке* организации, где происходит взаимодействие с операционной средой. Перемещение власти и полномочий к кромке требует глубокой трансформации самой природы организаций и приводит к появлению нового типа организаций – *краевых ор-*

ганизаций (*edge organizations*). Менеджеры высшего звена в краевой организации, перемещаясь к кромке организации, делают ненужной большое количество менеджеров среднего звена, а иерархия в процессах управления начинает играть подчиненную роль [7, р. 5].

Разрабатываемая в настоящее время теория *сетевых войн* (СЦВ) (*network-centric war*) включает в себя концепцию «власть к кромке» в качестве важнейшего элемента системы командования и управления [95]. Без внедрения принципов «власть к кромке» невозможно достичь эффекта самосинхронизации, являющегося важнейшим атрибутом СЦВ. Самосинхронизация, в свою очередь, позволяет достичь стремительности (*agility*) вооруженных сил, обеспечить их живучесть и эффективное выполнение миссии, превращая в реальность сетевые операции. Ряд ведущих американских военных теоретиков считают, что адаптация концепции «власть к кромке» и ее использование в качестве организационного и оперативного принципа военной организации США является абсолютно необходимым шагом, позволяющим сохранить военного превосходство США в 21 веке [7, р. 6].

Таким образом, концепция «власть к кромке», разрабатываемая в рамках новой военной теории СЦВ, принципы которой только начинают артикулироваться, представляет собой появляющееся понимание того, каким образом и на каких путях будет происходить адаптация военной организации государства к вызовам информационной эпохи [96]. «Власть к кромке» представляет собой новый тип мышления и новые организационные технологии, определяющие, каким образом новые системы командования и управления должны встраиваться в общую архитектуру военной организации. Так как именно культура определяет ценности и поведение в обществе и организации, а также регламентирующего их властного субъекта, «власть к кромке» требует фундаментальных изменений как в культуре, так и в стиле мышления, что неизбежно приводит к пересмотру отношений между личностью, военной организацией и обществом в информационную эпоху [7, р. 181].

5. Принципы войны

Прежде чем приступить к краткому обзору принципов войны, необходимо определиться, что понимается под данным термином. Принципы – это не готовые рецепты и не методическое руководство по применению вооруженных сил для достижения победы. Их невозможно использовать в изоляции и они требуют присутствия исторической перспективы у личности, их применяющей [97, pp. 23-27]. Являясь квинтэссенцией теории войны, принципы войны, тем не менее, представляют собой нечто большее, чем просто теория,

и выполняют роль моста между теорией и ее применением. Они **«руководят ведением войны на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях»** [92, р. В-1] и, будучи проверенными временем, представляют собой **«руководящие принципы, которые должны использовать командиры при выработке решения и непосредственном применении войск»** [98, р. 12].

Таким образом, принципы являются важнейшим элементом военной стратегической культуры и во многом определяют то, каким образом страна смотрит на мир, своих врагов и саму себя, тем самым становясь базисом для принятия большинства решений в военной сфере [84, pp. 190-195]. Через военный истеблишмент принципы войны прямо или косвенно влияют на широкий круг вопросов, непосредственно не касающихся боевых действий, включая развитие вооруженных сил, военно-промышленного комплекса, закупки вооружений, систему военного образования и пр.

Принципы войны Сунь-цзы. В известном труде «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы утверждает, что **«Война - это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять. Поэтому в ее основу кладут пять явлений, (ее взвешивают семью расчетами и этим определяют положение)»**. Пять явлений и семь расчетов Сунь-цзы являются теми принципами, которые позволяют достичь победы на войне. Сунь-цзы рекомендует держать только тех генералов, которые следуют его стратегии, и верил, что в состоянии предсказать победителя и побежденного на основе того, кто придерживается его наставлений [3, pp. 67-68].

Принципы войны Макиавелли. В работе «Искусство войны» (*Arte della Guerra*) опубликованной в 1521г. Николо **Макиавелли** говорит о том, что существуют определенные фундаментальные принципы, неизменные во времени, которые можно обнаружить во всех трактатах о войне. Он вводит ряд правил, которые должны помочь командующему в проведении войны [99, pp. 6-7]. Многие из общепринятых сегодня принципов войны нашли свое отражение в его работе, включая и важность адаптабельности: **«Нет ничего важнее во время войны, чем знать, как наилучшим образом использовать благоприятную возможность, когда она случается»** [100, pp. 270-272].

Принципы войны Жомини. Историки связывают современные принципы войны с именем Антуан-Генри **Жомини** (*Antoine-Henri Jomini*). Швейцарский теоретик 19 века утверждал, что принципы должны быть четкими и недвусмысленными, а их количество ограниченным, так как они выполняют роль руководства для командиров при организации и проведении войны [99,

pp. 18-19]. В 1807г. Жомини опубликовал работу, в которой в 10 параграфах дается список, **«общих истин, применение которых вносит вклад в успех на войне»**. Джон Алгерс (*John Algers*) утверждает, что список Жомини является прототипом современных принципов войны [99, pp. 21-23].

Принципы войны Клаузевица. Некоторые исследователи связывают современные принципы войны с именем Клаузевица [99, p. 28], в то время как другие утверждают, что **«он в особенности отрицал само понятие, что возможно существование хорошо определенного свода определенных правил или принципов, которые всюду и везде диктуют выбор одной формы поведения, а не другой»** [97, pp. 446]. Тем не менее, Клаузевиц подготовил меморандум для прусского кронпринца, озаглавленный «Наиболее важные принципы ведения войны» (*The Most Important Principles for the Conduct of War*), который начинается со следующего определения: «Эти принципы, являющиеся результатом долгих размышлений и постоянных исследований истории войны, были, тем не менее, записаны поспешно и поэтому не выдержат критики относительно формы. Кроме того, из большого числа тем были затронуты только наиболее важные, так как была необходима определенная краткость. Эти принципы, поэтому, не являются полным наставлением Вашему Королевскому Высочеству, а побуждают и служат руководством для ваших размышлений» [101, p. 11].

Меморандум содержал список общих, наступательных и оборонительных принципов, и, несмотря на оговорки самого Клаузевица, в нем, а также в основной работе Клаузевица «О войне», нетрудно обнаружить все современные принципы войны. Сказанное легко проверить, сравнив определение термина «принципы» у Клаузевица с определением, которое дается в вооруженных силах США¹.

«Принцип также является законом для действия, но не в его формальном, безусловном значении; он представляет только дух и сознание закона; в случаях когда разнообразие реального мира не может быть втиснуто в жесткую форму закона, применение принципов позволяет обеспечить широкую свободу суждений. Случаи, к которым не могут быть применены принципы, должны регулироваться суждениями; принцип, таким образом, становится, по существу опорой, путеводной звездой для человека, ответственного за действие» [74, pp. 166-167].

¹ В качестве примера: в «Основной доктрине военно-воздушных сил» (*Air Force Basic Doctrine*) утверждается, что принципы «представляют собой поддающиеся оценке наставления, при помощи которых можно оценить потенциальные направления действий. Принципы ... служат базисом для вынесения решения о применении вооруженных сил. Он служит руководством для планирования, обучения, оценки и действий и не должны приниматься в качестве абсолюта» [98, p. 12].

Основные и руководящие принципы сетцентричных войн. Формирующаяся в настоящее время теория сетцентричных войн (СЦВ) сформулировала базисные и руководящие принципы, которые должны дополнить проверенные временем принципы войны, – массу, цель, наступление, безопасность, экономию сил, маневр, единство командования, внезапность, простоту [102, р. 8].

Новые принципы, создавая рабочую гипотезу СЦВ, не конкурируют с классическими, но дополняют их, помогая понять, каким образом должна повышаться боевая мощь «сетевых сил» (*networked forces*).

В теории СЦВ базисными признаются следующие 4 принципа:

- Устойчивые силы с сетевой структурой (устойчивые сетевые силы) улучшают обмен информацией. (*A robustly networked force improves information sharing*);
- Обмен информацией улучшает качество информации и ситуационную осведомленность. (*Information sharing enhances the quality of information and shared situational awareness*);
- Обмен ситуационной осведомленностью делает возможными взаимодействие (совместное выполнение задачи) и самосинхронизацию, а также повышает боевую устойчивость и скорость командования. (*Shared situational awareness enables collaboration and self-synchronization, and enhances sustainability and speed of command*);
- Это, в свою очередь, драматически повышает эффективность миссии¹ [102, р. 7].

Руководящими принципами СЦВ являются:

- Сражайся первым для получения информационного превосходства. (*Fight First for Information Superiority*);
- Обмен осведомленностью. (*Shared Awareness*)
- Скорость командования и принятия решений. (*Speed of Command and Decision Making*)
- Самосинхронизация. (*Self-Synchronization*).
- Рассредоточенные войска. (*Dispersed Forces*).
- Демассификация. (*Demassification*).
- Глубокий сенсорный доступ. (*Deep Sensor Reach*).
- Изменяй начальные условия при высокой частоте изменений. (*Alter Initial Conditions at Higher Rates of Change*).
- Сжимай операции и уровни войны. (*Compressed Operations and Levels of War*) [102, pp. 8-10].

¹ Впервые данные принципы были озвучены в докладе Конгрессу США [103].

Очевидно, что с развитием теории СЦВ руководящие принципы будут уточняться и, возможно, дополняться новыми, создавая все более полную картину того, как должны строиться, обучаться, тренироваться и оперировать сетевые силы.

В последующих работах планируется дать развернутую концепцию теории СЦВ. В рамках данной статьи ограничимся краткой характеристикой каждого из принципов.

- **Сражайся первым для получения информационного превосходства.** Инициировать боевые действия, атаковать для достижения информационного превосходства. Добиваться информационного преимущества через лучшую по времени, точности и релевантности обработку информации.
- **Обмен осведомленностью.** Регулярно преобразовывать информацию и знания в требуемый уровень общего понимания и ситуационной осведомленности через весь спектр участников объединенных или совместных операций.
- **Скорость командования и принятия решений.** Признавать информационное преимущество и конвертировать его в конкурирующее преимущество через открытие процессов и процедур, невозможных в противном случае (в рамках приемлемого риска).
- **Самосинхронизация.** Увеличивать способность сил нижнего уровня оперировать практически автономно и самостоятельно перегруппировываться и ставить задачи, используя обмен осведомленностью и знание намерений командира (командующего).
- **Рассредоточенные силы.** Перемещать боевую силу от линейного поля боя к операциям без линии соприкосновения.
- **Демассификация.** Двигаться от подхода базирующегося на географически непрерывных массивованных сил к силам, базирующихся на достижении эффекта (цели).
- **Глубокий сенсорный доступ.** Расширить как дистанционное так и непосредственное использование развертываемых, распределенных и сетевых сенсоров, которые обнаруживали бы необходимую информацию, представляющую интерес на оперативно релевантном диапазоне для достижения решающего эффекта.
- **Сжимай операции и уровни войны.** Для достижения быстрого и решающего эффекта исключать процедурные границы между службами и внутри процессов таким образом, чтобы объединенные операции могли бы проводиться на возможно низком организационном уровне.
- **Изменяй начальные условия при высокой частоте изменений.** Изменять начальные условия на широком диапазоне изменений. Использо-

вать принципы обмена осведомленностью высокой степени, динамическую самосинхронизацию, рассредоточенные и демассированные силы, глубокий сенсорный доступ, сжатые операции и уровни войны и быструю скорость командования, позволяющие объединенным силам быстро адаптироваться, изменяя оперативный контекст противника и достигая преимущества. Война в высокой степени зависит от контекста и динамики ее протекания; отсюда императив контролирования как можно жестче её начальных условий. История показывает, что высокая связность во времени критических событий оказывает глубокое воздействие, – как психологически, так и через блокирование потенциального ответа противника.

Октябрь, 2006г.

Источники и литература

1. *Тер-Арутюнян Г.*, Цивилизационный фактор в контексте проблем информационной безопасности, «21-й век», № 1, Ер., 2006, с. 3-15.
2. *Gray C.*, Transformation and Strategy Surprise. Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, April 2005. 1 September 2006. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/PUB602.pdf>
3. *Sun Tzu*, The Art of War, London, Oxford University Press, 1963 (translated by S B Griffith with a foreword by *B. H. Liddell Hart*, accepted in the Chinese Translations Series of UNESCO).
4. *Gray J.*, Al Qaeda and What It Means to be Modern, London, 2003.
5. *Մասնորոշում Հ.*, Հատմամբ, Եր., 2004:
6. *Hirst P.*, War and Power in the 21st Century: The State, Military Conflict and the International System, Cambridge: Polity Press, 2001.
7. *Alberts D., Richard E.*, Power to the Edge: Command and Control in the Information Age. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2003. 1 September 2006. http://www.dodccrp.org/publications/pdf/Alberts_Power.pdf.
8. *Մկրտչյան Ա.*, Հայ զինվորականության պատվո վարքականունը (4-5-րդ դարեր), Եր., 2000.
9. *Parker G.*, Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500-1800, New York: Cambridge University Press, 1996.
10. *Gray Colin S.*, «How Has War Changed Since the End of the ColdWar?» Parameters, U.S. Army War College, Spring 2005. 1 September 2006. <http://www.carlisle.army.mil/USAWC/Parameters/05spring/gray.pdf>
11. *Qiao Liang, Wang Xiangsui*, Unrestricted Warfare: Assumptions on War and Tactics in the Age of Globalization, FBIS trans., Beijing: PLA Literature Arts Publishing

- House, 1999.
12. *Huntington Samuel P.*, *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*, New York: Vintage Books, 1964.
 13. *Арзуманян Р.*, Нелинейная природа войны, «21-й век», № 1, Ер., 2005, с. 109-149.
 14. *Echevarria II, Antulio J.*, *Toward an American Way of War*. Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, March 2004. 1 September 2006. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/PUB374.pdf>.
 15. *Moltke Helmuth von*, «Über Strategie, 1871», in *Großer Generalstab*, ed., *Moltkes Militärisches Werke*, 14 Vols., Berlin: E. S. Mittler, 1892-1912.
 16. *Hughes Daniel*, *Moltke on the Art of War: Selected Writings*, Novato, CA: Presidio, 1993.
 17. *Summers Harry G. Jr.*, *On Strategy: A Critical Analysis of the Vietnam War*. Novato, CA: Presidio, 1995.
 18. *Kohn Richard H.*, «The Erosion of Civilian Control of the Military in the United States Today», *Naval War College Review*, Vol. 45, No. 3, Summer 2002.
 19. *Cohen Eliot A.*, *Supreme Command: Soldiers, Statesmen, and Leadership in War-time*, New York: Free Press, 2002.
 20. *Feaver Peter D.*, «The Civil-Military Problematique: Huntington, Janowitz, and the Question of Civilian Control», *Armed Forces & Society*, Vol. 23, 1996.
 21. *Snider Don M., Gayle L. Watkins*, «Introduction», in *Matthews Lloyd J. ed., The Future of the Army Profession*, New York: McGraw Hill, 2002.
 22. *Hanson V. D.*, *Carnage and Culture: Landmark Battles in the Rise of Western Power*, New York: Doubleday, 2001.
 23. *Hanson V. D.*, *The Western Way of War: The Infantry Battle in Classical Greece*, New York: Knopf, 1989.
 24. *Echevarria II, Antulio J.*, «On the Brink of the Abyss: The Warrior Identity before the Great War», *War & Society*, Vol 13, No. 2, October 1995.
 25. *Posen B.*, *The Sources of Military Doctrine: France, Germany, and Britain between the World Wars*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 1984.
 26. *Չիրյան Կ., Դեպի Միջուկ*, 2001:
 27. *Арзуманян Р.*, Странник. Костан Зарян и Армянская Духовная Традиция, «Анив», армянский журнал № 4 (7), Минск/Москва, 2006, с. 16-21.
 28. *Weigley Russell F.*, *The American Way of War: A History of U.S. Military Strategy and Policy*, Bloomington, IN: Indiana University Press, 1973.
 29. *Boot M.*, *Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power*, New York: Basic Books, 2002.
 30. *Kagan R.*, *Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*, London: Atlantic Books, 2003.
 31. *Крылов К.*, К философии армии, Отечественные Записки, № 8, 2002, 1 Сентября 2006. <http://traditio.ru/krylov/army.htm>.
 32. *Кант И.*, *Сочинения в шести томах*. М., 1966., т. 6, с. 257-347.

33. *Luttwak Edward N.*, «Towards Post-Heroic Warfare», *Foreign Affairs*, vol. 74, No. 3, May/June 1995, pp. 109-222.
34. *Kurth James C.*, «Clausewitz and the Two Contemporary Military Revolutions: RMA and RAM», in *Strategic Logic and Political Rationality: Essays in Honour of Michael I. Handel*, ed. *Bradford A. Lee and Karl F. Walling*, London: Frank Cass, 2003.
35. *McInnes Colin.*, *Spectator-Sport War: The West and Contemporary Conflict*, Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers, 2002.
36. *Арзуманян Р.*, Метафора нелинейности в социальных системах, «21-й век», № 2 (4), Ер., 2004, с. 123-153.
37. *Whitehead Stuart A.*, «Balancing Tyche: Nonlinearity and Joint Operations» in *Williamson, Murray (ed)*. *National Security Challenges for the 21st Century*. Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, October 2003. 1 September 2006. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB4.pdf>
38. *U.S. Army*, 2004 Army Transformation Roadmap, Washington, DC: Office of the Deputy Chief of Staff, U.S. Army Operations, Army Transformation Office, July 2004.
39. *Graye Colin S.*, *Modern Strategy*, Oxford: Oxford University Press, 1999.
40. *Friedman Norman*, *The Fifty-Year War: Conflict and Strategy in the Cold War*, Annapolis: Naval Institute Press, 2000.
41. *Գեղոյան Հակոբյան Ս. Տեր.*, Փիլոսոփայություն, պատմություն, մշակույթ. ՀՀ ԳԱԱ Փիլոսոփայության, սոցիոլոգիայի և իրավունքի ինստիտուտ, Երևան, 2005:
42. *Геворкян Гамлет А.*, Национальная культура с точки зрения философии истории, АН Армении, Институт философии и права, Ер., 1992.
43. *Stewart Andrew W.*, Friction in U.S. Foreign Policy: Cultural Difficulties with the world. Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, June 2006. 1 September 2006. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB706.pdf> .
44. *Browning Susan A.*, Understanding Non-Western Cultures: A Strategic Intelligence Perspective, Strategy Research Project, Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 1997.
45. *Peters Ralph*, «Constant Conflict», *Parameters*, U.S. Army War College Quarterly, Summer 1997. 1 September 2006. <http://www.carlisle.army.mil/USAWC/parameters/97summer/peters.htm>.
46. *Levy Bernard Henri*, «American Vertigo, Traveling America in the Footsteps of Tocqueville», interview on live national television by Fox News, March 6, 2006/1745hrs EST.
47. *Kurth James*, «The American Way of Victory», *The National Interest*, Summer 2000. 1 September 2006. <http://www.ciaonet.org/olj/ni/ni_00kuj01.html >.
48. *Lawrence T.E.*, «The 27 Articles of T.E. Lawrence», *The Arab Bulletin*, 20 August, 1917. 1 September 2006. <http://www.d-n-i.net/fcs/lawrence_27_articles.htm>.
49. *Wunderle William*, «Through the Lens of Cultural Awareness; Planning Requirements in Wielding the Instruments of National Power», in a Microsoft Power Point

- presentation with scripted commentary, April 21, 2005, slide 15.
50. *Gray Colin S.*, «Strategy in the Nuclear Age: The United States, 1945-1991», in *The Making of Strategy: Rulers, States and War*, *Williamson Murray, Macgregor Knox, and Alvin Berstein*, eds., New York: Cambridge University Press, 1994.
 51. *Hoffman F.G.*, *Decisive Force: The New American Way of War*, Westport: Praeger, 1996.
 52. *Osgood Robert E.*, *Limited War: The Challenge to American Strategy*, Chicago: University of Chicago Press, 1957.
 53. *Iklé Fred Charles*, *Every War Must End*, New York: Columbia University Press, 1971.
 54. *Schadlow Nadia*, «War and the Art of Governance», *Parameters*, Vol. 33, No. 3, Autumn 2003, pp. 85-94. 1 September 2006. <<http://www.carlisle.army.mil/usawc/parameters/03autumn/schadlow.pdf>>.
 55. *Snider Don M.*, «America's Postmodern Military», *World Policy Journal*, Vol. 17, No. 1, Spring 2000.
 56. *Cordesman Anthony*, «What is Next in Iraq? Military Developments, Military Requirements and Armed Nation Building», Washington, DC: Center for Strategic and International Studies (CSIS), August 2003. 1 September 2006. <http://www.csis.org/media/csis/pubs/iraq_whatsnext.pdf>.
 57. *Zinni Anthony*, «How Do We Overhaul the Nation's Defense to Win the Next War?» Special transcript of a presentation delivered at the U.S. Naval Institute, September 4, 2003. 1 September 2006. <http://www.mca-usniforum.org/forum03zinni.htm>.
 58. *Echevarria II, Antulio J.*, *After Clausewitz: German Military Thinkers before the Great War*, Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2000.
 59. *Schelling Thomas C.*, *Arms and Influence*, New Haven: Yale University Press, 1966.
 60. *Wylie Joseph C.*, *Military Strategy: A General Theory of Power Control*, Annapolis, MD: U.S. Naval Institute Press, 1989.
 61. *Weinberger Casper*, Speech delivered at the National Press Club, on November 28, 1984, reprinted in *Defense*, January 1985, pp. 1-11.
 62. Powell's Doctrine, in *Powell's Words*, *The Washington Post*, October 7, 2001, p. B-2, transcript of an interview with *Tim Russert*.
 63. *Boot Max*, «The New American Way of War», *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 4, July/August 2003, pp. 41-58.
 64. *Boot Max*, «Everything You Think You Know About the American Way of War Is Wrong», *Foreign Policy Research Institute*, September 12, 2002. 1 September 2006. <http://www.fpri.org/enotes/americanwar.20020912.boot.americanwayofwar.html>.
 65. *Linn Brian M.*, «The American Way of War Revisited», *The Journal of Military History*, Vol. 66, No. 2, April 2002, pp. 501-530.
 66. *Weigley Russell F.*, «Response to Brian McAllister Linn», *Journal of Military History*, Vol. 66, No. 2, April 2002, pp. 531-533.
 67. *Clausewitz Carl von*, *On War*, *Michael Howard and Peter Paret*, trans., Princeton:

- Princeton University Press, 1976.
68. *Strassler Robert B.*, ed., *The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to «The Peloponnesian War»*, trans. *Richard Crawley*, New York: Free Press, 1996.
 69. *Metz Steven, Raymond Millen.*, *Future War/Future Battlespace: The Strategic Role of American Landpower*, Carlisle, Pa.: US Army War College, Strategic Studies Institute, March 2003.
 70. *Coram Robert*, *Boyd: The Fighter Pilot Who Changed the Art of War*, Boston: Little, Brown, 2002.
 71. *Liddell Hart, Basil H.*, *The Strategy of Indirect Approach*, London: Faber and Faber, 1941.
 72. *Gray Colin S.*, "Why Strategy is Difficult", JFQ, Summer, 1999, USA, pp. 80-86.
 73. *Clausewitz Carl von*, *Two Letters on Strategy*, *Peter Paret and Daniel Moran*, eds. and trans., Carlisle, PA: U.S. Army War College, 1984.
 74. *Clausewitz Carl von*, *On War*, *Michael Howard and Peter Paret*, trans., Princeton: Princeton University Press, 1976.
 75. *Churchill Winston S.*, *The World Crisis 1915*, New York: Charles Scribner's Sons, 1929.
 76. *Jablonsky David*, «Why Is Strategy Difficult» in *Bartholomees, J. Boone Jr., (ed.)* U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy Revisited, Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, June 2006. 1 September 2006. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB708.pdf>.
 77. *Craig Gordon A.*, *The Politics of the Prussian Army 1640-1945*, New York: Oxford University Press, 1956.
 78. *Handel Michael L.*, *War, Strategy and Intelligence*, London: Frank Cass, 1989.
 79. *Wavell Archibald*, *Generals and Generalship*, London: Macmillan, 1941.
 80. *James William*, "The Moral Equivalent of War". Lecture 11 in *Memories and Studies*, New York: Longman Green and Co., 1911.
 81. *Eccles Henry E.*, *Military Power in a Free Society*, Newport, RI: Naval War College Press, 1979.
 82. *Bar-Yam Yanner*, *Complexity of Military Conflict: Multiscale Complex Systems Analysis of Littoral Warfare, Multiscale Representation Phase II, Task 2: Multiscale Analysis of Littoral Warfare*. Report to Chief of Naval Operations Strategic Studies Group, April 21, 2003. 1 September 2006. http://necsi.org/projects/yaneer/SSG_NECSI_3_Litt.pdf.
 83. *Scott-Kakures Dion*, *History of Philosophy*, New York, 1993.
 84. *Dickerson Brian*, «Adaptability: A New Principle of War», in *Williamson, Murray (ed)*. *National Security Challenges for the 21st Century*. Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, October 2003. 1 September 2006. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB4.pdf>.
 85. *Leonard Robert R.*, *The Principles of War for the Information Age*, Novato, CA, 1998.

86. *Tsouras Peter G.*, *Warrior's Words: A Quotation Book: From Sesostri III to Schwarzkopf*, 1871 B.C. to A.D. 1991, London: Cassell Arms and Armour, 1992.
87. *Liddell Hart Basil H.*, *Strategy*, 2nd edition, 1954, reprint, New York: Frederick A. Praeger, 1967.
88. *Frost Robert S.*, «The Growing Imperative to Adopt 'Flexibility' as an American Principle of War», Strategic Research Project, Carlisle Barracks, PA, 1999.
89. U.S. Department of the Navy, «Leading Marines», Fleet Marine Field Manual 1-0, Washington, DC, 1995.
90. U.S. Department of the Army, «The Army» Field Manual 1, Washington, DC, 2001.
91. U.S. Joint Staff, Directorate for Operational Plans and Joint Force Development, «Evolving Joint Perspective: US Joint Warfare and Crisis Resolution in the 21st Century», White Paper, Washington, DC: United States Department of Defense, 2003.
92. U.S. Joint Chiefs of Staff, «Joint Warfare of the Armed Forces of the United States: Joint Publication 1», Washington, DC: United States Department of Defense, 2000. 1 September 2006. https://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp1.pdf.
93. *Myers Richard B.*, «We Can Not Rest On Our Success», interview by *Gerry J. Gilmore*, Defense Link, September 13, 2002. 1 September 2006. http://www.defenselink.mil/news/Sep2002/n09132002_200209135.html
94. *Rumsfeld Donald H.*, «21st Century Transformation of U.S. Armed Forces», speech, National Defense University, Ft McNair, Washington, DC, January 31, 2002. 1 September. <http://www.defenselink.mil/speeches/2002/s20020131-secdef.html>.
95. *Alberts David S., John Garstka, Richard E. Hayes, David T. Signori*, *Understanding Information Age Warfare*. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2001. 1 September 2006. http://www.dodccrp.org/publications/pdf/Alberts_UIAW.pdf.
96. *Robertson Bruce, Valentin Sribar*, *The Adaptive Enterprise: IT Infrastructure Strategies to Manage Change and Enable Growth*, Santa Clara, CA: Intel Press, 2001.
97. *Brodie Bernard*, *Strategy in the Missile Age*, Princeton, NJ, 1959.
98. U.S. Department of the Air Force, «Air Force Basic Doctrine», *Air Force Doctrine Document (AFDD)1*, Washington, DC, 1997. 1 September 2006. <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/usaf/afdd/afdd1.pdf>.
99. *Algers I. John*, *The Quest for Victory: The History of the Principles of War*, Westport, Conn.: Greenwood Press, 1982.
100. *Machiavelli Niccolo*, *The Art of War*, *Ellis Farnsworth*, trans., Cambridge, MA, 2001.
101. *Clausewitz Carl von*, *Principles of War*, *Hans W. Gatzke*, trans., Harrisburg, PA, 1942.
102. *Cebrowski A.K.*, "The Implementation of Network-Centric Warfare", Washington DC: Office of the Secretary of Defense, 2005. 1 September 2006. http://www.oft.osd.mil/library/library_files/document_387_NCW_Book_LowRes.pdf.
103. *Department of Defense*, *Network-Centric Warfare Report to Congress*. Washington, DC, 2001. 1 September 2006. http://www.dod.mil/nii/NCW/ncw_sense.doc.

CONTINUUM OF WAR AND THE WESTERN MILITARY CULTURE

Hrachya Arzumanyan

Resume

Appearance of the Armenian vision of war at the end of the 21st century faced a number of objective difficulties mainly connected with loss of Armenia's statehood over the centuries. Revival of the statehood and the victories won made all the necessary preconditions to comprehend the new military experience and restore the interrupted traditions of Armenian military thought.

Undoubtedly, the given conditions demand thorough knowledge of global treasury of military ideas as well as Armenian history and culture. The attempts of making hasty use of foreign experience are inadmissible. It's an issue of current impotence because at present the western military elite try to solve the problem of variance in strategic thought and military culture, which the Armenian statehood is sure to confront with if it chooses the way of borrowing foreign schemes and decisions.

In its time Armenia successfully solved problems causing variance in the European spiritual field and managed to preserve its integrity and harmony. It means that Armenia has all the necessary preconditions both for preserving integrity of ideological and intellectual field and successfully overcoming potential problems of variance between the policy and the war for the time being.

There is no doubt that interruption of the traditions of the Armenian military culture is a very negative factor, but from the other hand a unique opportunity was provided for their revival «from the white page». The Armenian statehood has a unique chance of drawing up a military sphere taking no notice of the factor of inertance of military culture and traditions. It is obvious that at the same time there is a danger of so called «relativity», when the society becomes disoriented and diverts from social, historical and other contexts of the epoch. In case of Armenia the guarantor of stability and success of such construction is the Armenian culture, its integrity and continuity during the whole Armenian history.